

Леса Ран

Сладкие
моменты
счастья

Торты
Пирожные
Любовь

ПЫШКА ДЛЯ СВЕЁКРА

Моя будешь, зернирка!

18+

Леса Ран

**Пышка для свёкра.
Моя будешь, зефирка!**

«Автор»

2026

Ран Л.

Пышка для свёкра. Моя будешь, зефирка! / Л. Ран — «Автор»,
2026

Её муж называл её никчёмной. Её свёкор увидел в ней женщину. Аня мечтала только об одном: чтобы её зефир получил признание. Но вместо поддержки получила пощёчину от собственного мужа. В ту ночь, когда Паша ей изменил, её спас его отец — Игорь Сергеевич. Он дал ей кров, деньги на бизнес и запретные чувства. Между свёкром и невесткой вспыхивает то, что нельзя скрыть. А бывший муж не готов простить им это. Он разрушит их обоих — или они сгорят в этом огне сами?

© Ран Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Леса Ран

Пышка для свёкра. Моя будешь, зефирка!

Глава 1

Аня вошла в квартиру с двумя коробками. В одной — новый миксер, взятый в рассрочку. В другой — двенадцать образцов зефира после сегодняшних курсов.

Ноги гудели, спина ныла. Но внутри теплилась усталая гордость: наконец-то у неё получилась устойчивая меренга. Лиза, преподавательница, даже похвалила: «У тебя талант к текстуре, Ань».

Она поставила коробки на кухонный стол, скинула балетки у порога. Прошла босиком по коридору.

— Паш? Я вернулась.

Из спальни — приглушённый смех. Женский.

Аня замерла. Сердце сначала сжалось, потом забилось часто, тревожно, как мышь в западне.

— Паша? — тише. — Там кто-то?

Смех оборвался. Шорох.

Она толкнула дверь — не потому, что хотела знать. Потому что тело само двинулось, как во сне, когда ноги вязнут в асфальте.

Увидела.

Паша, её муж. Стоит у кровати, застёгивает джинсы. Рядом на постели сидит девушка в одних трусах — дешёвых, синтетических, кружевных — и натягивает блузку. Та самая секретарша Лерочка, которую Паша недавно взял на работу.

В комнате пахло чужими духами и потом. Аня зажала нос — нет, не запах, а подступающие слёзы. Просто сжала переносицу, чтобы не разреветься сразу.

— Анечка, — Лерочка не покраснела, даже не отвела взгляд. Только брови подняла с наглым удивлением. — Ой. А ты дома.

Паша усмехнулся. Медленно, показательно поправил ремень.

— Ты рано, — сказал он. — Ну да ладно. Сама виновата.

Аня не могла вымолвить ни слова. Смотрела на него — и видела чужого человека. Или того же самого, просто маску сбросил.

— Ты чего молчишь? — он шагнул к ней. — Обиделась? А чего обижаться? Посмотри на себя.

Он обвёл рукой её фигуру. Мягкие бока, круглый живот, который она так стеснялась, пышные бёдра. Вчера ей казалось, что он это любит. Сегодня он смотрел так, будто увидел мусор.

— Кто тебя такую трахать будет, Ань? — голос спокойный, почти ласковый. — Ты же растолстела. В 23 года как бабка. Ни карьеры, ни фигуры. Твой зефир никому не нужен, между прочим. Ты просто бьешься в истерике, потому что больше ничего не умеешь.

Слова били не горячо. Холодно. И тяжело, как мешки с песком. Аня не чувствовала ярости. Только боль — тупую, разливающуюся от груди к горлу. И стыд. Горячий, липкий стыд. Потому что он прав, прав? Прав?

Она опустила голову. Плечи дрогнули.

— Я... — выдохнула. — Я не...

Слова закончились. Ком в горле. Слёзы всё-таки потекли — молча, без всхлипов. Просто полосы на щеках. Она не вытирала. Не хотела показывать, как ей больно. Но он и так видел.

— Ой, иди ты в душ, — Паша махнул рукой. — Умойся. И вообще...

— Павел.

Голос из коридора был негромким, ровным. Но в нём читалась сталь.

Все обернулись.

В дверях стоял Игорь Сергеевич. Свёкор. Отец Паши. Чёрная водолазка, седые виски, глаза прищурены. Он держал в руке ключи — видимо, у него были свои.

Никто не знал, как долго он здесь. Но по лицу видно — слышал всё.

— Папа? — Паша побледнел. — Ты чего...

— Зашёл за документами, — спокойно ответил Игорь Сергеевич. — Но дело не в этом.

Он вошёл в комнату, не обращая внимания на Леру, которая съёжилась у стены. Остановился напротив сына. Смерил его взглядом — сверху вниз, хотя Паша был выше.

— Ты, — сказал он тихо, — конченный человек.

— Пап, ты не понимаешь...

— Я всё понимаю. Я двадцать лет прожил с твоей матерью. Она была крупнее Ани. Ни разу — ни разу, слышишь — я не сказал ей таких слов. Даже когда она болела. Даже когда нам было тяжело.

Паша дёрнул плечом. Угрожающе шагнул к отцу.

— Это не твоё дело.

— Ты прав. Не моё, — кивнул Игорь Сергеевич. — Поэтому я не буду тебя воспитывать. Я просто заберу Аню.

Аня вздрогнула, услышав своё имя. Подняла заплаканное лицо.

— Что? — прошептала.

— Собирай вещи, — Игорь Сергеевич повернулся к ней. Голос стал мягче, но без сюсюканья. — Паспорт, телефон, ноутбук. Если есть рецепты — их тоже. Миксер потом придет. Живешь у меня, пока не встанешь на ноги.

— Папа, ты охренел? — Паша попытался перехватить его за плечо. — Это моя жена!

— Уже нет, — отрезал Игорь Сергеевич, стряхивая руку. — Ты только что сам всё решил.

Аня стояла, не двигаясь. Смотрела на свёкра — чужого почти человека — и не верила. Зачем ему это? Зачем?

— Игорь Сергеевич... я... Вы не обязаны.

— Собирай, — повторил он твёрдо. И добавил совсем тихо, только для неё: — Ты ни в чём не виновата. Иди.

Лера попыталась прошмыгнуть к двери. Игорь Сергеевич посторонился, даже не взглянул на неё. Сказал только:

— Вон.

Лера вылетела в коридор, застучала каблуками.

Паша рванул было за ней, но отец преградил дорогу.

— Ты останешься здесь, — сказал он сыну. — И подумай. А она уедет.

Аня на ватных ногах прошла в спальню. Взяла с тумбочки паспорт. Телефон, который валялся на кровати. Схватила рюкзак из кресла — в нём лежал ноутбук. Потом метнулась на кухню, дрожащими руками вытащила из коробки рецепты — блокнот с записями.

Всё это время Паша кричал в коридоре:

— Ты меня предаёшь! Ты её даже не знаешь! Она никто! Она ничего не умеет!

Игорь Сергеевич молчал.

Когда Аня, натянув на мокрые ноги первые попавшиеся кеды, вышла в прихожую, он взял у неё рюкзак. Кивнул в сторону двери.

— Поехали.

Она не оглядывалась на Пашу. Шла, глядя в спину свёкра — широкую, спокойную. Слышала за спиной мат, хлопанье дверей. Потом лифт.

В машине она молчала, сжавшись на пассажирском сиденье. Смотрела в окно, но не видела улиц. Слезы всё текли.

Игорь Сергеевич не включал радио. Не задавал вопросов. Просто вёл машину — ровно, без лишних слов.

Когда они остановились на светофоре, он спросил:

— Тебе кушать хочется?

— Нет, — прошептала она.

— Надо будет — скажи.

Помолчал.

— Не слушай его, Аня. Он дурак.

Она вцепилась пальцами в ремень безопасности. Губы задрожали с новой силой.

— У меня ничего нет, — выдохнула. — Ни работы, ни денег, ни... зефир не продаётся. Я правда никто.

— У тебя есть руки и голова, — ответил Игорь Сергеевич. — И двадцать три года. Это много. Всё остальное — дело времени.

Она хотела сказать «спасибо», но не смогла. Просто кивнула.

Когда заехали во двор его дома — высокого, старого сталинского дома с огромными окнами, — Аня вдруг спросила:

— А вы не пожалеете? Что вмешались?

Игорь Сергеевич заглушил двигатель. Повернулся к ней. В его глазах не было ни жалости, ни насмешки. Только спокойная, немного усталая решимость.

— Я уже давно ни о чём не жалею, — сказал он. — Но если начну — это будет не о тебе.

Он вышел из машины, открыл ей дверь.

— Пойдём. Я покажу комнату. И не плачь, пожалуйста. Не надо.

Аня вытерла щёки рукавом кофты. Вдохнула — глубоко, как перед прыжком. И шагнула в новую жизнь.

Глава 2

Комната, которую Игорь Сергеевич отвёл Ане, оказалась бывшим кабинетом. Большой письменный стол у окна, книжные стеллажи, узкая, но удобная кровать — для него, видимо, гостевой вариант. Он застелил её свежим бельём, пока Аня мылась в душе.

Она вышла в пижаме — старой, застиранной футболке и мягких штанах. Волосы мокрыми прядями падали на плечи. Игорь Сергеевич стоял у окна в гостиной, смотрел на ночной город. Услышав шаги, обернулся.

— Ложись спать. Завтра разберёмся.

— Не усну, — тихо сказала Аня. Села на край дивана, обхватила колени. — Он придёт за мной. Паша не успокоится.

— Я разговаривал с юристом, пока ты мылась. — Игорь Сергеевич сел напротив, в кресло. — Твоё дело — собирать доказательства. Тот разговор в спальне я записал на диктофон.

Аня удивлённо подняла глаза.

— Вы... записали?

— Я зашёл, услышал его голос, включил телефон в кармане. — Он пожал плечами так буднично, будто речь шла о погоде. — Я много лет в бизнесе, Аня. Я привык фиксировать.

Она хотела спросить «зачем вам это?», но слова застряли. Свёкор — чужой мужчина — уже сделал для неё больше, чем собственный муж за три года брака.

— Спасибо, — наконец выдохнула она.

— Не надо благодарности. — Он поднялся, прошёл к бару, налил себе виски. — Хочешь? Расслабиться.

— Не пью.

— Правильно. — Он сделал глоток, не садясь. — Я закурю, если ты не против. На балконе.

Аня кивнула.

Он вышел на застеклённую лоджию, приоткрыл форточку. Зажёг сигарету — профиль в полумраке, седые виски, сильные пальцы. Аня смотрела сквозь стекло и вдруг поймала себя на мысли, что он красив. Не так, как Паша — наглая, хищная красота. Иначе. Устало, строго, с каким-то надломом, который делал его живым.

Она отвернулась, испугавшись собственной мысли. Свекровь умерла два года назад. Рак. Игорь Сергеевич остался один. Паша тогда почти не приезжал — «папа сам справится». Аня приезжала. Помогала по дому, готовила, сидела в больнице, когда Игорю нужна была передышка. Он благодарил её молча, тяжёлым взглядом. Ни разу не прикоснулся, даже за руку не взял.

Но сейчас всё было иначе.

Он вернулся с балкона, потушил сигарету в пепельнице.

— Ложись, Аня. Я в своей спальне, через коридор. Если что — стучи. Дверь не закрываю.

— Я не зак...

— Знаю. — Он перебил мягко. — Это я про себя. Если станет страшно — ты знаешь, где я.

Она ушла в свою комнату, легла лицом в подушку. Плакала беззвучно, пока слёзы не кончились. Потом встала, взяла ноутбук, открыла файл с бизнес-планом. Зефир. Единственное, что у неё было.

В два часа ночи в дверь тихо постучали.

— Аня.

— Да.

Игорь Сергеевич приоткрыл дверь. В тёмной футболке, босиком. В руке — кружка с молоком.

— Пей. Не могу уснуть, пока ты не спишь.

Она взяла кружку, обожгла пальцы о горячий керамик. Он стоял в дверях, не входя. Ждал, пока она сделает глоток.

— Тёплое молоко с мёдом, — сказала она. — Откуда вы узнали?

— Ты жене моей покойной так делала, когда она не спала. Я запомнил.

Аня сжала кружку. Снова захотелось плакать — но уже не от боли. От чего-то другого, тёплого и острого одновременно.

— Спасибо, Игорь Сергеевич.

— Зови меня Игорь, — сказал он. — Сергеевичем я буду, если ты рассердишься.

И закрыл дверь.

Она допила молоко, поставила кружку на стол. Уснула почти сразу — в первый раз за много месяцев без кошмаров.

Утром проснулась от запаха кофе и свежих круассанов. На кухне Игорь читал новости в телефоне. Увидел её, кивнул на стул.

— Завтракай. Сегодня будем регистрировать ИП.

Аня замерла с круассаном у рта.

— Что?

— У тебя есть талант. Я вложу деньги. Ты будешь производить зефир. А Паша пусть давится своей секретаршей.

Она откусила кусочек. Сладкое тесто рассыпалось на языке.

— Я вам отдам. Обязательно.

— Отдашь, — кивнул он. — Успехом. А не деньгами.

Аня не знала, что на это ответить. Просто смотрела на него — на твёрдую линию челюсти, на морщины у глаз. И чувствовала, как внутри загорается что-то, чему она пока боялась дать имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.